

М.А.Колеров

Призывал ли о. Сергей Булгаков к еврейским погромам в 1920 году?

Старый друг С.Н.Булгакова (1871-1944) по его студенческим 1890-м годам в Московском университете, где Булгаков учился на юридическом факультете, М.О.Гершензон (1869-1925), бывший с 1893 по 1901 гг. личным секретарём историка, профессора этого университета П.Г.Виноградова, пронёс внимание к трудам и личности Булгакова через всю свою творческую жизнь. Вершиной их творческого сотрудничества стало совместное участие в сборнике «Вехи» (к участию в которых Булгакова пригласил именно Гершензон). Основой их взаимного доверия была юношеская ещё искренность, когда они выяснили взаимные согласия и разногласия, сошлись в пристрастии к марксизму¹, а затем разошлись в пристрастиях религиозно-конфессиональных. «Еврейский вопрос», очевидно, был выяснен между ними с первых же лет знакомства², несомненно, под особым влиянием «Национального вопроса в России» В.С.Соловьёва.

Когда Гершензон умер, о. Сергей Булгаков, уже высланный из Советской России, написал его вдове 12/25 апреля 1925 в Москву: «Христос Воскресе! Дорогая Мария Борисовна! Давно испытываю потребность подать Вам свой голос, послать благословение, сказать, как я с Вами в постигшем Вас горе. Я искренно любил и уважал его и, кроме того, привык чувствовать себя благодарным ему в течение всей своей жизни, за которую видел столько горячее к себе любви, ревнующей, верной, преданной. Мне трудно и скорбно, что я не могу о нём молиться как о своём духовном сыне или хотя единовеце, т.е. за литургией, но молюсь о нём, как можно. Храню благодарную память о наших последних встречах, особенно в Даниловом³ монастыре. Мы настолько сверстники и вместе прожили жизнь, что вместе с ним уходит в могилу уже и кусок моей жизни». Поэтому так важны именно суждение и свидетельство Гершензона об участии Булгакова в общественной судьбе «еврейского вопроса» на излёте Гражданской войны в России, как известно, идеологически и исторически неразрывно связанной с ярким участием русского еврейства в революционной борьбе и установлении советской власти на стороне «красных», со

¹ *М.А.Колеров*. Гершензон и марксисты: к вопросу об идейной свободе писателя // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999.

² См.: В ожидании Палестины: 17 писем С.Н.Булгакова к М.О.Гершензону и его жене (1897-1925) / Публ. М.А.Колерова // Неизвестная Россия: XX век / Гл. ред. В.А.Козлов. Вып. 2. М., 1992.

³ Там же. С.136-137. В публикации ошибочно: «Донском». «В день Св. Духа еп. Феодор имел служить в кладбищенском храме Св. Духа, и туда шли мы из Данилова монастыря крестным ходом, я шел в стихаре с дьяконской свечой рядом с епископом. То было немалое расстояние, но прошли его спокойно и беспрепятственно. К рукоположению пришли в храм и друзья мои, бывшие тогда в Москве. Вспоминаю прежде всего о. Павла Флоренского (со своим Васей), участвовавшего и в литургии, М. А. Новоселова, Прейса, Вяч. Ив. Иванова, Н. А. Бердяева, П. Б. Струве (?), кн. Е. Н. Трубецкого, Гр. А. Рачинского, В. К. Хорошко, А. С. Глинку (Волжского), М. О. Гершензона, Л. И. Шестова, Е. А. Аскольдову и др. Все они после службы участвовали и в дружеском чаепитии, духовенством храма для нас радушно устроенном» (*С.Н.Булгаков* «Мое рукоположение») 11 июня 1918 года в Даниловом монастыре Булгаков был рукоположен в дьяконы, а через две недели - в храме Св. Духа на Даниловском кладбище - в иереи.

страдательной и в целом неудачной борьбе русских евреев на стороне «белых». Русским евреям пришлось разделить наибольшую часть морально-исторических претензий русского общества к «красным», не говоря уже о взрыве идеологического и бытового антисемитизма в стране, где во власти и политической оппозиции резко увеличилось присутствие евреев, более не ограниченных ни «чертой оседлости», ни государственной церковностью.

Гершензон писал Льву Шестову 13 января 1923 года из германского Баденвейлера, где был на лечении, о своих хлопотах за Булгакова перед одним из всемогущих большевистских вождей, председателем Московского совета, членом Политбюро РКП (б) Л.Б.Каменевым (Розенфельдом), перед которым хлопотали многие: «прошлой осенью... решил я пойти к нему и начисто поговорить о возможности для С.Н.Булгакова вернуться в Москву... Я знал из письма С.Н. и от Маруси [Булгаковой], что он всё время держался в стороне от политики; но Каменев не слушал моих уверений; в конце концов он заявил: разве вы не знаете, что Булгаков написал призыв к еврейским погромам, который был расклеен во всех городах Крыма? Я ответил, конечно, что это возмутительная ложь, что Булгаков на это не способен; а он мне: сам Родичев подтвердил этот факт в заграничной газете, и Булгаков ведь не опроверг»⁴. Исследователь указывает, что о погромных проповедях Булгакова в Крыму и о том, что они даже расклеивались на стенах в виде прокламаций действительно было написано в эмигрантской печати в конце октября 1920 года, но вскоре опровергнуто другом Булгакова⁵. В ноябре 1920 года врангелевский Крым был взят большевиками. Разумеется, сам Булгаков не имел никакой возможности читать в Крыму эмигрантскую прессу, которую (вне особого краткого списка рептильной прессы) в то время во всей стране уже читали лишь высшие чины власти, равно как и не мог опровергнуть её сообщений. Тем не менее, исследователь «еврейского вопроса» в России и русской эмиграции О.В.Будницкий утвердительно заключает об авторстве С.Н.Булгакова в отношении антиеврейской прокламации священников Крыма, появившейся в сентябре 1920 года⁶.

Следует восстановить специально еврейский контекст событий в Крыму, где традиционно проводил лето Булгаков ещё с конца 1890-х гг. и где он поселился постоянно в 1918-м, чтобы оценить остроту инкриминируемого Булгакову выступления. Число евреев в Крыму в дореволюционную эпоху было невелико, но интенсивно росло, особенно с началом Первой мировой войны, прямо затронувшей боевыми действиями «черту оседлости»: в 1881-1882 – от 2% в Севастополе до 10% всего населения (точным число 2.709 человек) в Симферополе, в 1914 в Крыму было 40-45.000 евреев-раввинистов и до 8.000 караимов. Первые еврейские погромы прошли в Крыму в 1905 г.: Евпатория, Симферополь, Севастополь, Феодосия, Керчь. В 1918-м – по Крыму прокатился классовый «матросский» террор против еврейской и караимской элиты, прекратившийся при

⁴ М.О.Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920-1925) / Публ. А.Д'Амелиа и В.Аллоя // Минувшее. 6 / Гл. ред. В.Аллоя. М., 1992. С.276-277. Ответные письма см.: Лев Шестов. Письма Михаилу Гершензону [1917-1924] / Публ. В.Проскуриной // Еврейский журнал. Москва; Нью-Йорк; Тель-Авив; Женева, 1992.

⁵ Бор. Мирский. Проповедь Булгакова // Еврейская трибуна. Париж, 22 октября 1920; опровержение: А.В.Карташёв. Антисемитизм и русская церковь // Там же. 3 декабря 1920 (причиной появления слухов была названа «неграмотность информаторов») (В.А.Маклаков – Б.А.Бахметеву 21 октября 1920 // «Совершенно лично и доверительно»: Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков. Переписка 1919-1951. В 3-х тт. Т.1. Август – сентябрь 1921 / Под ред. О.Будницкого. М., 2001. С.523-524, прим.31)

⁶ О.В.Будницкий. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). М., 2000. С.270-274.

немецкой оккупации и кадетском Втором Крымском правительстве во главе с С.С.Крымом (министр юстиции – В.Д.Набоков, министр внешних сношений М.М.Винавер, Д.С.Пасманик (в 1917-1919 – редактор газет «Ялтинский голос» и симферопольской «Таврический голос»)⁷. При Врангеле бытовой антисемитизм в Крыму носил политический антибольшевистский характер, но несмотря на это численность еврейского населения Крыма резко увеличилось (до 100-150.000 человек)⁸ за счёт бежавших от большевиков евреев. Врангель говорил: «В народных массах действительно замечается обострение ненависти к евреям... Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть, оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть». «В ноябре 1920 года Крымом окончательно завладевает большевистское правительство. По полуострову прокатывается новая волна погромов, на этот раз проводившихся не столько по этническому, сколько по имущественному признаку. Вновь гибнут не успевшие уехать из Крыма промышленники, интеллигенты, бывшие белогвардейцы и просто непохожие на пролетариат люди... Следует сказать, что евреи были не только среди пострадавших в ходе красного террора, но и, что называется, по ту сторону баррикад. Массовым террором и расстрелами белогвардейцев и «буржуазных элементов» в Крыму заведовали венгерский еврей Бела Кун и Р.С.Землячка-Самойлова (Р.С.Залкинд)... (в 1920-1921 гг. в Крыму было расстреляно более 40.000⁹ сдавшихся белых). В результате погромов, голода 1921-1922 годов, военных действий, террора и массового отъезда за рубеж, население Крымской Иудеи резко сокращается. По некоторым данным, в 1923 году в Крыму проживало около 40.000 евреев-раввинистов и около 4-5 тысяч крымчаков»¹⁰.

Историк крымского периода Булгаков С.М.Половинкин так описывает контекст событий: 16 октября 1919 Булгаков был избран профессором Таврического университета в Симферополе при ректоре Р. Гельвиге. 9 декабря 1919 Г.В. Вернадский писал А.А. Корнилову: «Здесь теперь С.Н.Булгаков, избранный профессором нашего университета по кафедре политической экономии. Ты ведь знаешь, что Булгаков теперь священник. Он

⁷ Публикации «Таврического голоса» и др. крымских изданий 1919-1920 гг. о Булгакове собраны и переизданы крымским историком: *С.Б.Филимонов*. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010. С.126-156 (предпубликацию см.: С.Н.Булгаков о духовных корнях большевизма / Публ. С.Б.Филимонова // Отечественные архивы. М., 2002. №4). См. также: *М.Колеров*. С.Н.Булгаков в Крыму осенью 1919 года // Исследования по истории русской мысли. [1] Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997.

⁸ Считается, что общая численность населения врангелевского Крыма составляла 600-700.000 человек.

⁹ До 100.000 человек: *А.Г. Зарубин, В.Г. Зарубин*. Без победителей. Симферополь, 1997. С. 231. При этом известно, например, что сын Булгакова Ф.С.Булгаков, служивший в белой армии и раненным в госпитале попавший в плен к красным, был просто призван в Красную армию и формально именно поэтому не был выслан со всей семьёй Булгакова из стране в конце 1922 года. «Ялтинская вдова священника предсказала сыновьям Е.Н.Трубецкого и Булгакова, что “они увидят златоглавый Кремль. И они бесстрашно лезли на врагов. Но князь Т. был убит в первом же сражении за Перекоп. Искали мы среди трупов и сына С.Н.Б., но не нашли. Оказалось, что он был взят в плен и после возвратился к родителям в Кореиз, недалеко от Ялты» (*Митрополит Вениамин (Федченко)*). На рубеже двух эпох. М., 1994. С.272).

¹⁰ *Михаил Кизилов*. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времён до наших дней. Симферополь, 2011. С.286, 290, 291-292, 293-294 (переизд.: М., 2012).

служит по воскресеньям и праздникам, очень хорошо говорит проповеди. Вообще замечательно много вносит он в симферопольскую жизнь, как светскую, так и церковную. Деятельное участие он принимает в здешнем религиозно-философском кружке». Ядро кружка составляли: Булгаков, Г.В.Вернадский, П.П.Кудрявцев, В.А. Тернавцев, И. Четвериков¹¹. 28 сентября 1920 г. ректором университета был избран В.И. Вернадский. После занятия Крыма большевиками в ноябре 1920 г. Булгаков был изгнан из университета¹². Он писал: «Из числа же профессоров университета я был исключен за принятие священства дважды: из Московского – немедленно по рукоположении, из Симферопольского – по занятии его большевиками»... В это время в еврейской среде прошел слух, что Булгаков приехал устроить еврейский погром. Этот слух был «подтвержден» большевистской печатью, которая писала, что Булгаков написал воззвание духовенства с призывом избивать евреев»¹³.

Митрополит Вениамин (Федченков) свидетельствовал в своих воспоминаниях, что Булгакову, бывшему с 1920 года членом Временного Высшего Церковного Управления (ВВЦУ) епархий Юга России, Крымский архиерейский Синод (ВВЦУ) действительно поручил составить «покаянное послание» для богослужений во Владимирском соборе в Севастополе 12-14 сентября 1920¹⁴. Изучение история участия Булгакова в переустройстве и жизни Русской православной церкви сначала как мирянина, а затем и как духовного лица, обнаруживает, что Булгакову не впервые поручалось выработка церковной позиции по отношению к острым общественным вопросам – во вполне специфическом их контексте. В конце ноября 1917 года 33 члена Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви духовного звания (в основном – епископы) обратились к Собору с инициативой поручить именно члену Собора от мирян Булгакову выработать позицию церкви одновременно об отношении к масонству и к социализму. Они писали: «Так как масонство и социализм приобретают всё больше и больше последователей среди православного русского населения, то просим Собор отозваться на это явление особым посланием, каковое желательно поручить Члену Собора¹⁵, профессору С.Н.Булгакову»¹⁶.

¹¹ В Крыму были активны и историки, чьи занятия привлекали Булгакова: например, 18 октября 1920 Булгаков участвовал в открытом заседании Таврической учёной архивной комиссии «по случаю исполнившегося столетия со времени пребывания в Тавриде А.С.Пушкина» (С.Б.Филимонов. Хранители исторической памяти Крыма. О наследии Таврической учёной архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887-1931 гг.). Симферополь, 2004. С.125).

¹² Булгаков был исключен из Таврического университета 13 ноября 1920.

¹³ С.М.Половинкин. Священник Сергей Булгаков и Крым // София: Альманах: Вып. 1: А.Ф.Лосев: ойкумена мысли. Уфа, 2005 (Опубл. также в: Москва – Крым. Историко-публицистический альманах. Вып.3. М., 2001; Крым. Историко-краеведческий альманах. Вып.1. М., 2004). Цит. по: <http://www.didaskal.ru/deloN10138>. Далее автор даёт глухую ссылку на источник сведений о слухе в еврейской среде: «Церковь и революция. 1920. № 9-12». По-видимому, речь идёт о государственном (Наркомата юстиции) пропагандистском антицерковном журнале: Революция и церковь. №9-12. М., 1920.

¹⁴ Митр. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С.268.

¹⁵ С.Н.Булгаков был избран на Поместный Собор на Таврическом епархиальном съезде от мирян епархии и уже 2 мая 1917 года выступил от их имени с речью на Первом Всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве. Однако его участие в первой сессии Собора (15 августа – 9 декабря 1917) продемонстрировало, что в общецерковном контексте Булгаков не пользовался достаточным признанием: например, в заседании Собора 21 августа при выборах членов Совета Поместного Собора от мирян Булгаков был выдвинут лишь тремя членами Собора и не был избран (ГА РФ. Ф.3431. Оп.1. Д.4. Л.27 об.). Дальнейшее активное участие в дискуссии Собора вокруг проблемы церкви и

Результативного продолжения эта инициатива не имела, но постановка проблемы социализма в контексте антимаасонской конспирологии была примечательным принуждением Булгакова к тому, чтобы увидеть в социалистическом перевороте России «двойное дно». Можно предполагать, что в Крыму это «двойное дно» Булгаков видел яснее.

В воскресенье 22 сентября (5 октября) 1919 года в Религиозно-философском обществе в Симферополе Булгаков выступил с докладом «Духовные корни большевизма». Его содержание изложили крымские газеты. 24 сентября «Таврический голос» опубликовал запись доклада, где воспроизвёл, в частности, следующие положения: «К.Маркс, создавший наукообразную форму социализма, - апостол всемирного большевизма, и это из него русские большевики взяли девиз: «экспроприируй экспроприирующих». Наукообразный социализм, только и говорящий о непрерывной борьбе за материальные интересы, явление очень древнее. Его знает история еврейского народа, встретившись с ним более 2000 лет назад, и когда ждали прихода Мессии, который создал бы рай на земле. И это ожидание вызвало чисто большевистские революции, как, например, в Иерусалиме, когда в нём, осаждённом римскими войсками, свирепствовал тот же террор, какой мы видим сейчас у нас, то же истребление буржуазии, такой же захват власти. К.Маркс, иудейский апокалиптик, только повторил древнюю иудейскую веру в мессианизм... Победа над большевизмом должна быть не в плодах, а в корнях. Победить нужно всю «новую историю» и заменить её новейшей, которая должна стать христианской»¹⁷. В тот же день симферопольские «Южные ведомости» сообщали: «Революционное движение в еврействе 2000 лет тому назад (в момент зарождения христианства) и ожидание пришествия Мессии для установления *рая на земле* С.Н.Булгаков считает чуть ли не первым проявлением большевизма. Силою оружия удастся победить большевиков. Но большевизм остаётся пока непобеждённым, так как корни его лежат глубоко в сердцах людей...»¹⁸.

25 сентября 1919 года в публичном заседании Религиозно-философского общества, посвящённом памяти В.В.Розанова, Булгаков (наряду с тогдашним епископом Вениамином¹⁹) выступил с новым докладом – о Розанове. Газета «Южные ведомости» обратила внимание на то, что «довольно подробно остановился на отношении Розанова к еврейскому вопросу, отношении, вытекающем из его религиозного мирозерцания: сначала филосемитизм, потом, в дни дела Бейлиса, антисемитизм, а в дни большевиков – опять своеобразный филосемитизм»²⁰. Примечательно, что в русской общеполитической и

государства осенью 1917 года придало ему достаточно влияния среди членов Собора. И уже 8 декабря 1917 Булгаков был предложен в кандидаты от мирян наибольшим числом членов Собора – 157 записок (Там же. Л.286) - и получил наивысшее число голосов «за» при выборах членов Высшего Церковного Совета от мирян. В этот совет, например, были избраны со следующими результатами: Булгаков – 210 «за» и 42 «против», А.В.Карташёв – 173 «за» и 77 «против», Е.Н.Трубецкой – 156 «за» и 93 «против» (Там же. Лл.282-283).

¹⁶ Заявление Председателю Поместного Совета Православной Всероссийской Церкви // ГА РФ. Ф.3431. Оп.1. Д.596. Л. 1-2 (оригинал письма: Д.616). Здесь же: Заключение Соборного Совета о передаче заявления в Отдел внешней и внутренней миссии и постановление Собора от 25 ноября 1917 года об утверждении заключения Соборного Совета.

¹⁷ С.Б.Филимонов. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. С.132-134. Анонс доклада: С.130-131.

¹⁸ Там же. С.137.

¹⁹ Там же. С.103.

²⁰ Там же. С.142.

литературно-научной периодике, расколотой тогда на белую и красную территории, а также в эмиграции, с особым вниманием собиравшей взаимно неточные сведения и слухи о смертях известных лиц по обе взаимно изолированные стороны фронта Гражданской войны, в некий сводный некролог, наряду с Розановым (тоже не раз похороненным в белой прессе при жизни), летом 1920 года был включён и сам Булгаков: слухи о его смерти, не имея ещё достаточных данных для их полной проверки, воспроизвёл орган старой интеллигенции «Вестник литературы» в заметке «Мнимоумерший писатель. Умершие и заживо погребённые»²¹.

Итак, год спустя после крымского выступления Булгакова с докладом о большевизме, Крымский архиерейский Синод поручил о. С.Булгакову составить «покаянное послание» для богослужений во Владимирском соборе в Севастополе 12-14 сентября 1920. Исследователь приводит сообщение газеты «Крымский вестник» от 11 (24) августа 1920: «День покаяния. Высшее Церковное Управление на юго-востоке России имело суждение о мерах к поднятию в тылу религиозно-нравственного чувства. С этой целью решено: назначить на 14 сентября день покаяния, подготовив христиан к этому дню трёхневым постом – 12, 13 и 14 сентября. По этому поводу решено обратиться с воззванием к народу и красноармейцам, текст воззвания будет выработан профессором священником С.Н.Булгаковым. Духовенству предложено подготовить паству ко дню покаяния. Кроме того, поручено председателю Высшего Церковного Управления преосвященному Димитрию, архиепископу Таврическому и Симферопольскому, обратиться с ходатайством к Главнокомандующему [Вооружёнными силами Юга России П.Н.Врангелю] и начальнику управления внешних сношений [П.Б.Струве] о доставлении к этому времени из Сербии вывезенного туда образа Чудотворной иконы Божией Матери». Образ Знаменской (Курской) Божьей Матери был доставлен из Сербии 14 (27) сентября 1920 и 20 октября (2 ноября) была перевезена в Ялту, откуда 14 ноября, накануне вступления Красной армии, была эвакуирована за границу²².

Дополнительный свет на кратко описанные по повременной печати события проливает переписка соученика М.О.Гершензона по семинарию П.Г.Виноградова на историко-философском факультете Московского университета, близкого знакомого Булгакова с 1890-х гг., адвоката, защитника М.Бейлиса на процессе по делу о ритуальном убийстве А.Ющинского (1913), масона, либерального политика, посла Временного правительства и белых правительств во Франции В.А.Маклакова (1869-1957). Её ярчайшая часть – переписка с послом Временного правительства в США Б.А.Бахметевым – давно опубликована О.В.Будницким, но случайно не встретила заинтересованного внимания со стороны исследователей Булгакова.

Посетив с конца сентября по 6 октября 1920²³ в качестве главы Совещания русских послов врангелевский Крым для выяснения перспектив его устойчивости в условиях готовящегося наступления красных, Маклаков подробно информировал Бахметева об итогах поездки о встрече с П.Н.Врангелем в письме от 21 октября 1920: «Когда я был в

²¹ Журналы «Вестник литературы» (1919-1922), «Летопись Дома литераторов» (1921-1922), «Литературные записки» (1922): Аннотированный указатель / Отв. ред. А.Ю.Галушкин. М., 1996. С.89 (Июль 1920. №7 (19)).

²² С.Б.Филимонов. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. С.389-390.

²³ «Совершенно лично и доверительно»: Б.А.Бахметев – В.А.Маклаков. Переписка 1919-1951. В 3-х тт. Т.1. Август – сентябрь 1921 / Под ред. О.В.Будницкого. М., 2001. С.519, прим.1 (примечание О.В.Будницкого).

Севастополе, то мне передавали о проповедях, которые духовенство произносит в церквах, а иногда даже и на площадях; говорили, будто [прот. В.И.] Востоков призывает к погромам²⁴... в церквах ведётся реставрационная [монархическая – М.К.] пропаганда, а отдельные намёки на роль еврейства [в революции, делаемые] в этой пропаганде, конечно, питают и настоящих погромщиков... Этого рода проповеди, как раз во время моего приезда, получили некоторое обострение... Произведя в пределах доступного анкету (опрос – М.К.) в Севастополе, я не могу не признать, что всё это страшно преувеличено... Те, кто слышал эти проповеди..., могли совершенно добросовестно утверждать, что в церквах ведётся реставрационная пропаганда, а отдельные намёки на роль еврейства в этой пропаганде, конечно, питают и настоящих погромщиков». Маклаков признал реальной опасность погромов и погромного настроения духовенства и высказал уверенность в том, что если они будут преодолены, это будет иметь позитивное внешнеполитическое значение: «Направление мысли нашего духовенства при перевороте в религиозную сторону, вообще народное настроение, конечно, покажет демократическому Западу и Соединённым Штатам, насколько, с их точки зрения, была бы выгоднее победа Колчака, Деникина или Врангеля, то есть смена одной власти другой, хотя бы имеющей реакционные задатки, но всё-таки же властью, понимающей обязанности государства, насколько такая победа была бы предпочтительнее стихийного крушения большевизма народной волной». В «погромных» слухах упоминалось и имя Булгакова. Как сообщил Маклаков, Врангель в разговоре с ним высказался за то, чтобы погромная пропаганда была преодолена силами самой церковной иерархии: «Он не только со мной не спорил, но сейчас же во всём согласился, согласился в том, что вообще проповеди духовенства принимают уродливую форму; я запретил, сказал он, печатать в газетах послания этих епископов, и действительно, в газетах были напечатаны только краткие изложения со смягчением всех углов... Было бы желательно, говорил он, чтобы... проповедь была обуздана самими же епископами, чтобы в самой церкви пробивались другие течения... И он настойчиво рекомендовал мне дружески поговорить с Булгаковым, который был моим товарищем по университету, с которым мы были в самых лучших отношениях, который был, наконец, совершенно культурным человеком и на которого он рассчитывал как на возможного представителя такого рода культурного духовенства». По итогам встречи и беседы с самим Булгаковым Маклаков однозначно опроверг слухи об участии Булгакова в погромной агитации, возложив ответственность за распространяемые о нём слухи на «неграмотность информаторов» (именно эту формулу, несомненно восходящую к формулировке Маклакова, употребил в печати и А.В.Карташёв, адвокатируя Булгакова), но то, что далее подробно рассказал Маклаков, позволяет заключить, что развивая в своих публичных докладах философский поиск «корней большевизма» в иудейском духе революции, Булгаков вовсе не случайно получил задание сформулировать антиреволюционное обращение к пастве и вовсе не далеко отстоял от идейного строя упомянутой агитации, понимая, что дело собственно погромной агитации истекает из того же строя идей. Не призывая к погромам, он был убеждён и убеждал других, что именно иудейский корень русской революции должен быть преодолен на пути христианизации.

Маклаков свидетельствовал в письме к Бахметеву от 21 октября 1920: «Булгаков стал монархистом. Это явление для соловьёвца-теократа ничего странного в себе не заключает... Пошлая связь монархизма с антисемитизмом во всяком случае неприменима к такому благородному, вершинному достижению русской культуры, каким рисуется личность С.Н.Булгакова. Допускаю, что на такой почве может вырасти даже своего рода

²⁴ Там же. С.522, прим. 25 (примечание О.В.Будницкого): в неопубликованных воспоминаниях В.И.Востокова говорится, что «22 сентября 1920 г. его вызвал Врангель и потребовал прекратить» антисемитскую агитацию «под угрозой высылки из Крыма».

антисемитизм. Но только высоко идеологический, в форме религиозного антагонизма или культурной борьбы идей, и уж никак не в пошлой, грязной и глупой форме погромной агитации... Я действительно говорил с Булгаковым и после этого много стало для меня понятным. Мы с Булгаковым встретились очень дружески и дружески разошлись, проговорив целую ночь и целое утро. Я скажу больше, мы кое до чего договорились, но всё-таки между нами обнаружилась такая пропасть в исходных точках, после которой никакое соглашение не представляется возможным. Основная позиция Булгакова всё-таки же та, что у духовенства сейчас совершенно задача не политическая, не партийная, а задача воспитательная; Россия погибла именно потому, думает он, что народ испортился, что русская душа развратилась, и развратилась она потому, что она забыла религиозные идеалы и усвоила начала современного мировоззрения, жаждущего материальных благ, и т.д. Поэтому Булгаков думает, что духовенству нужно полностью и целиком сделать призыв к этим чувствам и настроениям народной души, не смущаясь никакими политическими, тактическими и партийными соображениями. Говоря грубо, он мне сказал, что предпочитает, чтобы Россия сделалась большевистской вся целиком, откуда она выйдет перерождённой в духе христианства, чем стала бы буржуазно-демократической, самодовольной, благоустроенной, но забывшей Бога... Но Булгаков совершенно признаёт, что государство не может стать на эту точку зрения, что у него свои задачи; он согласился со мною, что хотя он мне указывал, что эти проповеди в Крыму возможны потому, что Врангель стоит на Перекопе, а последнее мыслимо только потому, что Запад даёт ему ружья; и что если бы Врангель исчез, то те чудотворные иконы, которые были привезены в Севастополь при громадном стечении народа (я видел эту встречу), были бы ищеплены на кусочки и потом синематографы это бы показывали. Булгаков согласился и с этим, но вывод у него простой: Врангель не устоит и они будут побиты. Но что же делать. Это Божеское попущение.

Что же касается до того, что они своими проповедями мешают Врангелю, то в конце концов, хотя из этого и не следует, что они должны от своей точки зрения отказаться, но даже не согласен в том, чтобы духовенство ему мешало; напротив, нам, дипломатам, следует только использовать эту реакционную тенденцию духовенства, чтобы ещё на больший пьедестал поставить культурность Врангеля и его сравнительный либерализм... В области политической Булгаков против даже парламентской монархии, он хотел бы просто возвращения к самодержавию; он признаёт, что никаких шансов на успех у него нет, но так как он не политик и не тактик, он проповедник, то этот вопрос об успехе его не касается. Что же касается до антисемитизма, то здесь я встретил, пожалуй, самый опасный вид антисемитизма: подозрение, если не говорить убеждение, что вообще всем миром владеет объединённый еврейский кагал, организованный где-то такое в Америке в коллегия, и что большевизм был сознательно напущен им на Россию... У него большие сомнения, что это правда, и он настойчиво и очень подробно допрашивал меня о том, в какой мере теми данными, которыми я располагаю, можно было бы опровергнуть это представление. Он выпытывал у меня о моих связях с масонством, о том, что мне приходилось там видеть и слышать, и о *raison d'être* существования масонства и т.д.; словом, я вижу, что для Булгакова, если не теперь, то в будущем, а для менее культурных епископов и в настоящее время, преобладающая роль евреев среди большевистских главарей не случайность и объясняется не историческими причинами, а есть только проявление той тенденции завоевать мир, которая приписывается [евреям]. Булгаков определённый противник погромов и с этой стороны признаёт, что проповеди Востокова, хотя и не погромные, - он это отрицает, - но могут вызвать не христианские и очень опасные чувства в массе. Он достаточно культурен, чтобы это признать, но, с другой стороны, Булгаков мог бы дать опору гораздо более опасной, я бы сказал, отжитой тенденции государства смотреть с совершенным удовлетворением на самозащиту от

еврейства; я бы не удивился, если бы Булгаков одобрил, если не черту оседлости, то запрет вступать в государственную службу и вообще правовые ограничения еврейства»²⁵.

Вскоре врангелевский белый Крым был взят красными и погрузился в массовый «красный террор». Булгаков был изгнан с кафедр. Оказалось, что, если не считать участия в мемориальном пушкинском заседании Таврической учёной архивной комиссии 18 октября 1920 года, последним общественным деянием Булгакова стало составление текста «покаянного воззвания» церкви. Можно утверждать, что и разговор его с Маклаковым, и предположительно продолженная им в воззвании линия церковно-философского преодоления «большевистского» иудаизма, которая в откликах эмигрантской печати и советских вождей превратилась в «призывы к еврейским погромам», стали не только предметом его творческих размышлений, но и причиной его общественно-политического, «репутационного» беспокойства.

Два года спустя, высланный из Советской России властями, Булгаков всё ещё держал в голове этот «погромный» идейный след. Мемуарист свидетельствовал о Булгакове: «Я был одним из последних, с кем он простился в Севастополе и я же оказался, вероятно, первым русским, встретившим его в Константинополе после высылки из СССР²⁶. Не могу, конечно, этого утверждать, но и не могу отделаться от тогдашнего впечатления, что годы советчины как-то его внутренне надломили. И наши разговоры на разные темы привели меня к некоторому общему заключению: даже для людей самого большого ума их эмоции играют огромную роль, временами даже смещающую их основную духовную линию. Между прочим, помню, что вскоре после приезда, он сказал мне, что П.Б.Струве хочет собрать оставшихся в живых участников «Вех» и выпустить новый сборник²⁷. Но у Струве возникли разногласия с Бердяевым. «П.Б. пишет все о смуте... Нет уж, какая там смута!» Очень беспокоило о. Сергия то, что кто-то приписал ему погромные проповеди в Крыму у белых, чего, конечно, не было. И он спрашивал, где это было напечатано»²⁸.

²⁵ Там же. С.254, 255-257, 258.

²⁶ О хронологии этого пути см: *М.А.Колеров*. С.Н.Булгаков в 1923 году: из Константинополя в Прагу // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004. С.598-604.

²⁷ Об этом проекте см.: *М.А.Колеров*. «Новые Вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918-1944) // Вопросы философии. М., 1995. №8.

²⁸ *Н.А.Цуриков*. Мои встречи с о. Сергием Булгаковым (1908–1934) / Публ. В.А.Цурикова // Н.А.Цуриков. Прошлое. М., 2006. С.346.